

От редактора

Тема «материальная культура и мифология», которой посвящен очередной сборник МАЭ, представляет интерес для современной науки в различных аспектах. Ее значимость очевидна и для той области этнографии, которая занимается изучением предметов быта, орудий труда, охоты и т. д., происхождением, функциями и социальным статусом вещей, и для исследования собственно мифологии как системы представлений и социально-регулирующей системы на ранних стадиях истории общества.

С одной стороны, масса различных предметов традиционной народной культуры так или иначе включает в себе специфически выраженное мифологическое содержание, оказывается вещественным воплощением мотивов, образов, представлений мифологического плана, и эти глубинные, чаще всего скрытые мифологические связи очень важны для понимания функций вещей, их социальной роли. Выявление таких связей позволяет не только по-новому увидеть предмет, но и получить существенную информацию, относящуюся к более широким аспектам этнокультурной истории.

С другой стороны, включение вещей в сферу мифологии оказывается весьма продуктивным для более глубокого ее понимания. Очень важно, чтобы в противовес привычным представлениям о мифологии как совокупности преимущественно вербальных текстов укрепились понимание ее как сложнейшего комплекса, в котором соединены, обнаруживая свою принципиальную равноценность и взаимозависимость, разные способы и формы реализации: в слове, танце, обряде, в различных действиях, в музыкальных инструментах, украшениях, в элементах жилища, одежды, в орудиях труда и бытовых вещах. Мифологию можно понять, лишь если рассматривать ее в этой универсальности связей и в многообразии реализаций.

Соединяя миф и вещь, мы тем самым как бы восстанавливаем реально существовавшее в истории культуры единство, затем искусственно нарушенное. При этом мифы в конкретном смысле — как более или менее цельные и завершенные сюжеты — начинают читаться с неизмеримо большей полнотой и пониматься гораздо глубже, чем прежде, а вещи обретают утраченные семантические связи и включаются в широкий культурный контекст.

Нет необходимости доказывать важность и своевременность такого рода исследований в отношении музейных предметов. Заметим только, что в таких исследованиях соединяются цели собственно музееведческие («оживление» вещей, их истолкование) и этнографические (выяснение социальных функций предметов и обнаружение этнокультурных связей). Статьи настоящего сборника, посвященные материальной культуре и мифологии различных регионов, выразительно демонстрируют плодотворность подобного рода разысканий, сравнительного анализа в тех сферах

культуры, которые прежде изучались отдельно, подключения материалов полевых наблюдений.

Статьи сборника, при всей их конкретной направленности, так или иначе соприкасаются с одним общетеоретическим аспектом проблемы: речь идет о специфике «предметных» воплощений мифологического содержания. Каким образом та или иная вещь обретает мифологическое значение, как оно в ней выражено и закреплено, как может быть раскрыто? В конечном счете ответы на эти вопросы, полученные в достаточно большом количестве на самом разнообразном материале и соответствующим образом систематизированные и осмысленные, могут привести к обобщениям типологического плана. Проблема типологии мифологической семантики и мифологического языка — одна из самых сложных и увлекательных.

Разумеется, настоящий сборник на такие обобщения не претендует, однако же представленные в нем статьи содержат полезный материал и некоторые наблюдения, могущие иметь значение для будущих обобщающих работ.

Надо надеяться, что изучение предметов традиционной народной культуры в их мифологических связях будет осуществляться и в дальнейшем коллективными усилиями этнографов, работников музеев, специалистов по мифологии, фольклористов: огромное число таких предметов еще ждет своих исследователей.

Б. Н. Путилов